

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА НА ЭФФЕКТИВНОЕ РАЗВИТИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Никитина Т.А.

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

Популярность концепции социального капитала в современном научном и политическом сообществах развитых демократических стран не случайна, поскольку она позволяет не только объяснить целый ряд явлений в экономике, политике, общественной жизни, но и выработать алгоритм эффективного развития общества.

Американский ученый Роберт Патнэм и его последователи считают, что большой запас социального капитала в стране благотворно влияет на общественно-политическое развитие, отражаясь в высоком уровне политического участия граждан, тогда как недостаток или уменьшение запасов социального капитала может представлять серьезную проблему для любого общества. Социальный капитал по Патнэму состоит из двух элементов: с одной стороны это социальные сети, а с другой - социальные нормы, ценности и уровень взаимного доверия, возникающие внутри сетей. Такой подход позволяет наблюдать динамику процесса развития социального капитала (социальных сетей) инструментами гражданского общества, а затем оценить расширение политического участия (рост доверия) и повышение эффективности государственного управления.

Однако, до настоящего времени, несмотря на многочисленные попытки количественной оценки социального капитала в разных странах и регионах, эти исследования нельзя признать вполне успешными. Один из подходов к эмпирическому изучению социального капитала, предложенный П. Норрис, базируется на оценке индекса доверия людей к своим согражданам и их участия в деятельности добровольных организаций, измеряемых в ходе проведения социологических опросов. Вычисляемый таким образом рейтинг социального капитала оказался наиболее высоким для демократических стран с развитой экономикой и стабильным уровнем благосостояния. Вместе с тем, остается открытым вопрос о причинно следственной связи: то ли высокий уровень социального капитала создаёт условия для экономического и социально-политического успеха, то ли в экономически и политически стабильных странах создаются необходимые предпосылки для межличностного доверия и общественной активности.

Несмотря на это концепция социального капитала широко используется сторонниками коммунитаристской идеологии и политиками как социалистической ориентации, видящими в ней научное подтверждение актуальности социального взаимодействия, так и консерваторами, апеллирующими к традиционным ценностям человеческих сообществ.

Заметную роль феномен социального капитала сыграл в научном осмыслении масштабных экономических и социально-политических

трансформаций в посткоммунистических странах Восточной Европы. Господствующая в этой сфере экономической науки теория демократического транзита столкнулась с определенными трудностями при объяснении причин беспрецедентного масштаба и длительности экономического спада в странах Восточной Европы и бывшего СССР при переходе от плановой экономики к рыночной. В то же время в политической науке острые дискуссии вызвал вопрос о правомочности применения на постсоветском пространстве одного из ключевых постулатов транзитологии, ставящего успехи в формировании демократических институтов в прямую зависимость от уровня развития экономики.

Для объяснения сложностей демократического транзита концепция социального капитала оказалась как нельзя кстати. Анализ источников, посвященных проблеме значения социального капитала в условиях посткоммунистической социальной трансформации, позволил нам прийти к выводу, что сегодня в этой сфере существуют два основных направления.

Сторонники первого утверждают, что ключевой причиной, обуславливающей проблемы посткоммунистических стран, является нехватка социального капитала. Отсутствие гражданских традиций в прошлом и многолетнее тоталитарное правление привели к тому, что в странах Восточной Европы и бывшего СССР практически не было собственных демократических ценностей и поведенческих норм. В этих условиях создаваемые политические институты новых демократий не могли быть эффективными. Эта группа ученых предложила две основные гипотезы, призванные объяснить причину дефицита социального капитала в посткоммунистических странах. Одна из них основывается на утверждении, что низкий уровень общественной активности и слабость гражданского общества в Восточной Европе обусловлены культурной спецификой и национальными традициями стран этого региона. Другая возлагает ответственность за недостаток социального капитала в странах новой демократии на социалистические режимы, подавлявшие неподконтрольную им общественно-политическую активность граждан. На мой взгляд, было бы неправильно абсолютизировать одну из этих точек зрения, потому что оба фактора оказали и по-прежнему оказывают влияние на состояние посткоммунистических обществ.

Исследователи, подчеркивающие важность социального капитала для решения задач демократического транзита, делают вывод, что только через его накопление на основе долгосрочной гражданско-общественной вовлеченности можно повысить эффективность и стабильность новых демократий, увеличить уровень доверия к социальным и политическим институтам и избежать реставрации автократии. Их оппоненты, обращая внимание на целый ряд несоответствий в результатах эмпирических исследований, полученных на территории Восточной Европы и Российской Федерации, пришли к выводу, что главная причина не в недостатке социального капитала, который, например, в России накоплен в значительных количествах, а в его специфичности. Британский политолог Р. Роуз определяет социальный капитал российского сообщества как «антимодернистский», основывающийся на

межличностном доверии внутри закрытых для посторонних сетей, и взаимных услугах, часто коррупционного характера. Такие негативные особенности социального капитала мы предложили называть «издержками социального капитала».

Был подвергнут критике и такой аспект феномена социального капитала, как доверие к политическим институтам, поскольку только успешная демократизация может порождать эффективные политические и экономические институты, деятельность которых, в свою очередь, уже способна вызвать доверие граждан и осмысленный рост их политического участия. В российской политике конца XX века — начала XXI вв. формальные политические институты, и, прежде всего в провинции, по большей части носят имитационный и фасадный характер. Реальная власть принадлежит региональному лидеру и его «ближнему кругу», либо становится предметом борьбы между кланами, маскируемой партийной конкуренцией на выборах. Однако наличие определенных «издержек социального капитала» в современной России не исключает задачи развития структур гражданского общества в нашей стране и формирования горизонтальных социальных сетей, которые могли бы способствовать укреплению межличностного доверия. Общественные объединения, включая клубы по интересам, территориальные, профессиональные и творческие союзы, политические партии и их группы поддержки, и многие другие - являются основными генераторами социального капитала. Однако, их образование и успешная деятельность в значительной мере зависят от способности людей общаться друг с другом. Общества с высоким уровнем доверия склонны к созданию добровольных ассоциаций, тогда как в «индивидуалистических социумах» и стремление к объединению и способность подчинять индивидуальные интересы отдельных личностей интересам больших групп минимальна.

Россия, по мнению идеолога теории социального капитала Ф. Фукуямы, относится к таким регионам с минимальным межличностным доверием даже среди родственников, где явно ощущается недостаток политической активности граждан, порожденный тоталитарным прошлым и трудностями демократических реформ на фоне разрушения прежнего общественного уклада. Подобная точка зрения укрепилась в научном сообществе Европы и США, однако, проведенные западными специалистами в 1996 и 1998 годах широкомасштабные исследования на территории России продемонстрировали, что уровень межличностного доверия, размер социальных сетей и степень их политизации в России принципиально не отличаются от аналогичных показателей для стабильных демократических стран. Но накопленный социальный капитал в России не трансформируется в создание масштабных устойчивых горизонтальных социальных сетей, и эффективных общественных организаций. Это во многом связано с чрезвычайно низким уровнем доверия граждан к общественным организациям, доминирующим в общественном сознании представлением о бессмысленности какой бы то ни было политической активности. В свою очередь, слабость общественных

организаций снижает возможности граждан России оказывать влияние на власть в промежутках между избирательными кампаниями.

Нельзя признать эффективным в современной России и такой канал политической коммуникации, как политические партии. Данные социологических опросов свидетельствуют, что за весь период с начала нового тысячелетия уровень доверия к политическим партиям в Российской Федерации был ниже, чем к каким-либо другим государственным институтам. Всплеск массовой политической активности граждан в 1990-е гг. быстро сменился затяжным периодом апатии и протестного голосования (связанным с неблагоприятными для большинства населения результатами экономических реформ). Специфика российской политической системы заключается в том, что практически все сколько-нибудь заметные на политическом небосклоне партии, по мнению О. Крыштановской, являются «партиями власти» или «партиями элиты», созданными «сверху вниз», от лидеров к субэлите по патронажно-клиентельному принципу, с использованием государственных ресурсов. Очевидно, что членство в таких организациях не представляет интереса для рядовых граждан, не стремящихся к политической карьере. В результате, большинство российских партий, чья деятельность признана соответствующей законодательству, с трудом поддерживают предписываемую Федеральным законом «О политических партиях» от 20.12.2004 N 168-ФЗ минимальную численность в 50 000 членов и необходимую численность региональных отделений. Зато для наиболее крупных и популярных партий, прошедших на выборах 2007 года в Государственную Думу пятого созыва, ужесточение законодательства о политических партиях, переход к выборам всех депутатов нижней палаты Федерального собрания по пропорциональной системе и повышение планки прохождения в ГД с 5% до 7%, - стали определенным стимулом для укрепления и роста. Если раньше успешные региональные политики предпочитали баллотироваться по мажоритарным округам, дистанцируясь от политических структур, то после 2007 года они вынуждены искать место в партийных списках, одновременно повышая за счет своей популярности рейтинг партийной организации.

Крупные партии заинтересованы в увеличении социального капитала, который может основываться как на «сильных связях» социальных сетей («социальный капитал массовых партий»), так и на «сильных ослабленных связях» по определению Марка Грановеттера («социальный капитал кадровых партий»). До 2003 года в Российской Федерации существовала одна массовая партия, обладавшая существенным социальным капиталом в виде плотных и устойчивых горизонтально-вертикальных сетей - КПРФ. Ее поддерживал ряд региональных лидеров и региональные политические элиты, которые регламентировали электоральное поведение членов сообщества, включенных в выстроенные ими вертикальные патронажно-клиентельные сети. После выборов 1995 года, на которых новая «партия власти» «Единство» продемонстрировала свою дееспособность, а особенно по итогам выборов в Думу в 2003 году, выведших «Единую Россию» на лидерские позиции, начался процесс «укоренения» «Единой России» в региональной власти. Миграция

региональных элит в направлении «Единой России» позволила ей в таких традиционных обществах, как национальные республики юга России, получить беспрецедентно высокие результаты на думских выборах за счет поддержки местной элиты. Социальный капитал сельских сообществ в российской провинции, ранее успешно использовавшийся КПРФ, также в значительной мере отошел к «Единой России». Однако, наличие понятной и укорененной в массовом сознании идеологии позволило коммунистам изменить электоральную стратегию и получить ощутимую поддержку в крупных городах. КПРФ постепенно превращается в партию бюджетников и той части наемных рабочих, которые осознают свои социальные интересы. Она накапливает социальный капитал, опираясь на «сильные ослабленные связи», не требующие для поддержания больших людских и финансовых ресурсов, но способные исполнять роль эффективного канала политической коммуникации. Вероятно, такой путь наращивания своего социального капитала можно признать правильным и для других российских политических партий. В целом он соответствует электоральным стратегиям политиков в - странах Западной Европы и Америки, где последние десятилетия XX века наметилась тенденция к спаду членства в общественных организациях и политических партиях. Опора на «сильные ослабленные связи», на фоне сокращения формального членства, дает возможность партиям обращаться к более широким кругам общественности и дистанцироваться от идеологического радикализма.

Существующие ныне российские партии вряд ли смогут изменить патронажно-клиентельный характер. Формирование новых «народных» партий (в отличие от «партий власти» и «партий элиты») на российском политическом пространстве и их продвижение во власть в условиях целенаправленного государственного политико-правового регулирования общественных объединений крайне затруднено. Поэтому наиболее вероятный сценарий развития событий в обозримом будущем приведет к снижению политического участия и электоральной активности граждан страны, росту политического отчуждения между властью и обществом, сокращению конкуренции в политической сфере и структурированию новой партийной номенклатуры. Возможной альтернативой могло бы стать, с одной стороны, накопление социального капитала в российском обществе за счет расширения полномочий местного самоуправления, реализации региональных и территориальных программ социализации населения, целенаправленной государственной поддержки общественных организаций. С другой стороны, установление прочных двусторонних связей между активными общественными организациями, сознающими свои социально-групповые интересы и политическими партиями, позволит последним конвертировать социальный капитал в более устойчивую, универсальную форму.

Данное исследование о роли социального капитала в современной политике позволило прийти к выводу, что накопление в российском обществе современных форм социального капитала (основывающихся на горизонтальных сетях и ослабленных связях) даст возможность повысить общественную активность и политическое участие граждан. Гражданская

активность свою очередь будет способствовать росту доверия к институтам государственной власти и местного самоуправления.

Список литературы

1. **Демкив, О.И.** Концепция группового социального капитала и её адаптация к отечественным условиям / О.И.Демков // Социология: теория, методы, маркетинг. - 2005. - № 4. - С. 104-118.
2. **Капустин, Б.Г.** Что такое «гражданское общество»? / Б.Г. Капустин // Критика политической философии: избранные эссе. – М.: Территория будущего. - 2010. – С. 27 – 42.
3. **Коулман, Дж.** Капитал социальный и человеческий. / Дж. Коулман // Общественные науки и современность. – 2001. - № 3. - С. 122-139.45
4. **Лопарев, А.В.** Национальные особенности взаимоотношения государства и гражданского общества в России: историко-политический аспект / А.В. Лопарев // Власть. – 2009. – № 6. – С. 128 – 132.
5. **Панов, П. В.** Региональные политические процессы в РФ в «эпоху Путина»: унификация или диверсификация? / П.В. Панов // ПОЛИТЭКС. - 2006. - № 4. – С. 40 -45.
6. **Патнэм, Р.** Чтобы демократия сработала: гражданские традиции в современной Италии. – М.: Моск. шк. полит. исслед., 1996. – 288 с.
7. **Патрушев, С.В.** Кликократический порядок как институциональная ловушка российской модернизации / С.В. Патрушев // Полис. – 2011. – № 6. – С.120 – 133.
8. **Степанченко, В.А.** Вектор трансформации политической системы России: феномен малопартийности / В.А.Степанченко // Власть. – 2009. – № 9. – С. 21 – 23.
9. **Роуз, Р.** Достижение целей в квазисовременном обществе: социальные сети в России / Р.Роуз // Общественные науки и современность. – 2002. - № 3. – С. 2238.
10. **Фукуяма, Ф.** Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: пер. с англ. / Ф. Фукуяма. — М.: АСТ, 2004. -730с. - ISBN 5-17-024084-8
11. **Ховард, М.** Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе: пер. с англ. / И. Кокарев. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 191с. - ISBN 978-5-7567-0549-2
12. **Урбан, М.** Формы гражданского общества: политика и социальные отношения в России / М. Урбан // Прогнозис. – 2009. – № 1. – С. 176 – 196.